

ТИНА
ШЕХУ

ВОЖДЬ ОРКОВ
УПЛАТА ДОЛГА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тина Шеху

Вождь орков. Уплата долга

<https://litres.ru/74295302>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Чувствуешь, девочка? — его голос теперь эхом отдаётся в голове. — Это наша связь. Ты моя. Полностью. Навсегда.

Чтобы спасти свое королевство от магической чумы, принцесса должна добровольно стать личной рабыней орка-варвара, чей народ её предки предали и изгнали в бесплодные земли.

Содержание

1	4
2	10
3	17
4	25
5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Тина Шеху

Вождь орков. Уплата долга

1

Король умирает. За стенами дворца умирает и всё королевство.

Чума, нет, магический мор высасывает из моих людей жизни медленно, но до самой последней капли.

Воздух в покоях отца густой и тяжелый, пропитанный горечью, болезнью и травами, что давно не помогают. Я сжимаю холодную, исхудавшую руку, и с каждым его прерывистым вздохом что-то обрывается и во мне.

Конец неминуем.

Я не плачу. Слезы высохли ещё неделю назад. Осталась только ярость. Бессильная, бесполезная ярость. На отца, на себя, на придворных магов.

Дверь скрипит. Я оборачиваюсь, мгновенно выпрямляясь. В проёме оказывается лорд Виктор. Его по обыкновению непроницаемое лицо, сейчас искажено гримасой скорби.

— Аврора, — его голос низкий, как болезненный стон. — Ему хуже?

Я лишь качаю головой, снова глядя на спящего обесси-

ленного отца. Куда уж хуже?

Виктор приближается, его шаги почти не слышны на ковре.

— Разведчики вернулись с пустыми руками. Лекари бессильны. Жрецы говорят о каре богов, но это... это не божья кара.

Я сжимаю пальцы в кулак. Второй рукой продолжаю поглаживать сухую ладонь.

— Тогда что? Говори!

Советник тяжело вздыхает, опускаясь на стул рядом. Он выглядит старше, осунулся за одну тяжелую ночь.

— То, что я скажу, звучит как безумие, как измена. Но это единственная правда, что у нас осталась, — он смотрит мне прямо в глаза, прося выслушать. — Это не болезнь, Аврора. Это проклятие. Орочье проклятие.

Слово «орк» жжёт душу изнутри, как раскаленное железо. Перед глазами тут же встают жуткие картины — наши выжженные деревни, растерзанные тела стражей на границе, хриплый, похожий на скрежет камня, орочий смех и лязг металла топоров.

Ненависть, старая и горькая, заполняет меня до краев. Ненавижу орков, ненавижу!

— Они мстят, — продолжает Виктор, не отрывая от меня взгляда. — Мстят за предательство, совершенное нашими предками. Твоим прадедом. Мы отравили их священный источник, чтобы захватить долину. Мы оборвали их связь с

землей и главными богами. И теперь их шаманы наслали на нас эту порчу. Они высасывают жизнь из нашей земли, потому что мы лишили их собственной.

Я вскакиваю.

— И что?! Они уничтожают нас! Мы должны собрать армию и...

— И что? — резко обрывает меня лорд. — Желаете оставить нас всех смерти? Наша армия ослабла, люди едва держатся на ногах! Каждый день мы теряем десятки мужиков! У нас нет времени на войну!

От его слов становится физически больно. Он прав. Он как всегда прав.

— Что же нам делать? — мой голос звучит сдавленно, уязвлено.

На крики почти не остаётся голоса. Да и будить отца я не хочу, пусть отдыхает, пусть пытается набраться сил.

Виктор замолкает, будто подбирая слова. Потом поднимает на меня тяжелый взгляд.

— Виктор?

— Есть старый ритуал. Очень древний. Ритуал кровавого долга. Он создает необычную связь между двумя враждующими существами. Добровольная кабала. Если кто-то из королевской крови, чьи предки совершили предательство, добровольно отдаст себя в рабство вождю орков, примет на себя оковы этой магии... его жизненная сила, его связь с землей сможет... очистить тебя, твою кровь и род. А через те-

бя и королевство. Ты станешь мостом. Мостом, по которому жизнь вернется к нам всем.

В комнате повисает гробовая тишина. Слово «рабство» отдается в моих ушах оглушительным звоном.

— Ты предлагаешь мне... стать рабыней? Орка? — я слышу, как мой собственный голос дрожит от неверия и возмущения.

Сердце подпрыгивает к горлу. Он не серьезно? Виктор изволил шутить, чтобы скрасить моё горе?

Какие же злые у него шутки!

— Я предлагаю тебе стать спасительницей, Аврора! — голос Виктора становится твердым, почти железным. — Единственной, кто может это сделать. Только королевская кровь имеет вес в этом ритуале. Ты примешь проклятие на себя, и оно перестанет душить наш народ. Ты будешь нести эту ношу за всех нас.

Глаза закрываются. Мысль о том, чтобы склониться перед одним из этих чудовищ, вызывает у меня рвотный спазм. Стать его собственностью? Позволить ему прикасаться ко мне?

Что сказал бы отец? Король позволил бы своей дочери так низко пасть?

— Нет... — выдыхаю очень тихо. — Лучше умереть. Мы все умрем с честью и не преклоним колени перед врагами.

— С честью? — Виктор горько усмехается. — Смотри! Смотри же!

Он резким движением отдергивает занавеску у окна.

Свет падает на бледный лик отца.

Внизу, у дворцовых стен, снует толпа. Народ изнеможенный, уставший, но всё равно продолжающий работать и жить до последнего хриплого вдоха.

— Вглядись, Аврора.

Я сосредотачиваюсь на своём народе, выхватываю взглядом отдельных людей.

Женщина прижимает к груди неподвижного ребенка, старик безучастно смотрит в небо.

— Они не выглядят готовыми умереть с честью. Они выглядят так, будто уже мертвы. Но их можно спасти. Ты можешь.

Мое сердце разрывается на части. Ненависть к оркам — это одно. Но видеть вот это... невыносимо.

— Они умрут, Аврора. Все. Твой народ. И ты будешь знать, что могла их спасти, но предпочла свою гордость их жизням.

Его слова бьют точнее любой стрелы. Я вновь закрываю глаза, теперь уже представляя себе этого орка. Его грубые черты, желтые клыки, алые глаза, полные ненависти и желания убивать. Я представляю его руки на себе, и мне хочется кричать от ужаса и отвращения.

Но потом я снова смотрю в окно. На того ребенка, на старика.

Кажется, ужас обращается решимостью.

— Хорошо, — произношу почти уверенно. — Что я должна делать?

Виктор объясняет план, а я запоминаю делали.

Путь мой лежит на рассвете в Выжженную долину к подножию Острой Скалы. Идти нужно одной, совсем без оружия. Сдать себя оркам, а потом принять связующий ритуал.

— Это единственный путь. Твоё решение верное.

Я слушаю и киваю.

Через час я стою у ворот дворца. На мне простое грубое платье из плотного льна. Волосы лентой стянуты назад. Ни украшений, ни знаков отличия, чтобы никто по пути не узнал принцессу Аврору.

Да какая я теперь принцесса? Орочья рабыня.

Стража смотрит на меня с ужасом и жалостью. Они понимают, что, возможно, отправляют свою принцессу на смерть, хоть и не представляют, куда именно и к кому именно я направляюсь.

Шаг вперед, потом второй, третий, и вот я уже бреду по родным землям во вражеское пристанище. Дорога впереди пустынна и ведет к дымящимся землям.

Я иду. Ради отца и всех, кто служит мне. Ради ребенка, который, возможно, уже мертв, ради его матери и старика.

Ненависть горит во мне холодным огнем. Она будет греть меня. Она не даст мне сломаться.

Я иду к своему палачу добровольно.

Имя ему Ошнар.

Я рядом.

Сначала пахнет гарью. Чуть дальше землёй. А все последующие шаги меня сопровождает аромат волчьего мяса.

Дошла.

Орки рядом. И, наверняка, заметили меня ещё давно, но наблюдали, с интересом ожидая, что будет делать женщина с белой кожей на вражеской территории.

Как у них кошмарно! И дня не хотела бы здесь провести! Вонь, кости и враждебные существа, готовые меня растерзать просто так!

Прохожу через ворота, украшенные черепами, понимая, что именно сюда и направлялась. Всё так же, как и воспевают в былинах. Варвары, дикари!

Меня быстро окружает полукольцо зеленокожих исполинов. Кто-то стоит, парочка восседает на гигантских варгах. От них пахнет потом, кровью и дымом. Я останавливаюсь, поднимаю подбородок, пытаюсь сохранить остатки достоинства. Глаза у них желтые, красные, карие. Все одинаково голодные.

— Человеческое мясо пришло, — сипит один, противно облизываясь. — Худющая. Но на куски молодняку пустить можно.

— Кости грызть, — хрипит другой и делает шаг ко мне. В его руках странное двухконечное копьё, которым он призывно помахивает в мою сторону. — Или кости трахать? Или то и другое?

Я отступаю, сердце колотится где-то в горле. Руки сами собой сжимаются в кулаки. Если нападут, то буду защищаться до последнего вдоха!

— Чо там? — раздаётся громогласный вопрос, будто молнии удали в землю перед моими стопами.

В момент гудящая толпа расступается. И выходит ещё один орк.

Он на голову выше самых рослых уродцев. Его плечи кажутся шире жутких ворот. Зелёное лицо искажено безразличной, но брезгливой ухмылкой. Яркие синие глаза взирают точно на меня, оценивая, кто я и чего от меня ожидать, но нет во взгляде звериного голода его сородичей. В нем есть нечто худшее — холодная уверенность хищника, который знает, что добыча уже у него в лапах.

— Ты должен быть Ошнар. Мм... господин этих земель, — не хочу приветствовать его, как равного себе. Не королевских он кровей, над его образованием и манерами не пеклись три дюжины королевских учителей.

Что на нём из одежды? Плащ на голове тело, открывающий вид на безволосую зелёную грудь.

Смотреть на пресс и грудные мышцы это вверх неприличия, но... я видела полуголых работников в саду, и их тела

совсем не похожи. И увесистые железные украшения у нас совсем не в ходу.

— Господин? — кажется, орка что-то веселит. — Уже хочешь, чтобы твоим господином был? Одобряю.

— Что? Нет. Я хочу быть... вежливой, — даже говорить противно.

Поднимаю взгляд выше, но глаза так и норовят опуститься.

— Вежливой? Она хочет быть вежливой с нами, идиоты!

Орки дружно хохочут и бьют друг друга оружием, будто играют. Это пугает и нервирует.

— Вы можете перестать? — прошу я, вытягивая позвоночник. Выше них я не буду, но и осаниться мне не положено. — Я желаю говорить с Ошнаром.

— Решила сразу сдохнуть? — хмыкает кто-то сзади.

Я не обращаю внимание на балаган, делаю шаг к предводителю.

Страшно.

Он замирает передо мной, скрещивая руки на могучей груди.

— Говори. Я слушаю.

Не знаю, интересно ли ему это, но хотя бы не гонит и не приказывает отрубить голову. Или считает, что всегда успеет разобраться со мной?

С глубоким вдохом вспоминаю слова Виктора.

— Мое имя Аврора. Я дочь короля. Я пришла, чтобы за-

платить долг.

Последние слова даются мне невероятным усилием.

Вокруг раздаётся хриплый смех. Ошнар уже не улыбается. Задумывается, но не показывает растерянности?

— Долг? У людей один долг перед орками — смерть. И он будет выплачен. Всем вами.

— Нет. Долг крови. За источник, — как произнести? Как?

— Я предлагаю себя. По древнему обычаю. Стать... кровавым долгом.

Наступает тишина. Смех стихает, даже Ошнар выглядит на мгновение ошеломленным. Его потемневшие глаза сужаются.

— Ты знаешь, о чем говоришь, девчонка?

— Знаю.

— Ты знаешь, что значит быть собственностью? — он делает шаг вперед, его тень накрывает меня целиком. — Ты будешь не принцессой. Ты будешь вещью. Моей вещью. Я смогу сделать с тобой всё, что захочу. И твои сородичи не придут тебе на помощь. Они тебя отвергнут. И твоего папашу.

Слова Виктора эхом отдаются в памяти: «Они умрут, Аврора. Все. Твой народ, отец, я».

— Я знаю,— выдавливаю из последних сил, сдерживая горькие слёзы. — Я принимаю это.

Вождь долго смотрит на меня, будто пытаюсь разгадать подвох. Потом резко кивает.

— Пусть будет так. Позовите шамана. Проведём ритуал сейчас же.

Меня ведут в центр лагеря. Орки тыкают в меня пальцами, толкают плечами. Кто-то щипает меня за бок, и я вскрикиваю, за что получаю пинок в ногу. Кто-то даже специально вновь меня щупает, ожидая бурной реакции.

Скорее бы это закончилось. Ещё хоть миг с ними, и я разревусь.

Шаман оказывается древним, сморщенным орк в одеянии из костей и перьев. Он уже ждет у костра. В руках у него чаша из черепа и зазубренный нож. Кривой. Зачем кому-то нужен волнистый нож?

А, впрочем, я желаю этого никогда не знать.

Ошнар становится напротив меня. От него исходит дикая, звериная сила.

— Шанса отказаться больше нет, девочка.

Сглатываю.

Хочу опустить голову вниз, но тогда они решат, что я покорила. Этого нельзя допустить. Даже будучи в добровольном рабстве, я никогда, никогда не подчинюсь орку!

Шаман начинает гортанно выкрикивать слова на орочьем наречии. Он сжимает мою дрожащую руку ледяной хваткой. Ножом проводит по моей ладони.

— Ц! — не сдерживаю жалкий стон.

Крупные капли алой крови капают в чашу. Потом он проделывает то же самое с огромной ладонью Ошнара. Его

кровь тёмная, почти черная.

Шаман смешивает нашу кровь в чаше, продолжает петь, затем окунает в неё палец и рисует мне на лбу какой-то символ.

От липкой горячей крови так несёт железом, что у меня начинают слезиться глаза.

Шаман выводит знак на Ошнаре, пока я давлюсь приступом кашля.

— Смотри, девочка, смотри, как наша кровь радует богов.

Пламя из чаши вздымается столбом к небу, и, становясь зелёным, принимает странные формы.

Виктор говорил, что будет дальше, и от этого становится ещё страшнее.

Удар.

— Ай!

Будто саму душу вытаскивают горящими тисками, а следом суют чужую, ядовитую и колючую!

Что-то огромное, чужеродное, дикое врывается в меня! Я чувствую... его. Гнев Ошнара. Его подозрительность. Его холодную, безграничную силу. Я чувствую тяжесть его украшений и одеяния, шрамы на его коже, даже пепел, упавший ему на кисть.

Как будто в мою голову влез другой человек вместе со своими ощущениями.

Это должно было быть по-другому! Не так ярко, не так больно!

Меня будто бьют кнутах по всем конечностям одновременно.

Я падаю на колени, меня мутит. Даже не от запаха, а от насильственного вторжения в голову. Я слышу свой собственный стон будто с двух разных сторон.

И я чувствую... чужое удовлетворение. Его забавляет моя боль, он наблюдает за моими мучениями, и это доставляет ему извращенное удовольствие.

Я поднимаю голову. Ошнар стоит надо мной, глядя вниз. Его зелёные губы искривляются в улыбке, а щёки заливаются болезненным румянцем.

— Чувствуешь, девочка? — его голос теперь эхом отдаётся в голове. — Это наша связь. Ты моя. Полностью. Навсегда.

Даже с закрытыми глазами, даже во сне я чувствую Ош-нара. Это невыносимо. Отдохнуть хоть совсем немного не получается, поэтому когда за мной приходят орки, я плетусь на дрожащих ногах, не понимая, где сон, а где реальность.

В странном доме, похожем на пещеру в скале, довольно просторно. Меня вталкивают в прогретую очагом комнату. На стене висит знамя, такое же, как я видела в лагере — рогатая клыкастая морда на кровавом фоне.

— Что же, пора посмотреть, что я получил в уплату за разорённые земли моего племени, — низкий голос вибрирует от каменных стен.

Ещё до того, как меня завели, я почувствовала, кто здесь находится и источает каменное спокойствие. Ему комфортно находиться в лагере. Не то, что мне с усталостью и досадой на душе.

Стоявшая напротив очага широченная спина разворачивается.

Снова наполовину оголенная грудь, снова торчащие соски. И почему я не могу перестать смотреть? Потому что опустить голову — значит, подчиниться, а поднять нет сил?

Глупости! Я принцесса и не имею права стесняться какого-то орка!

Даже когда он подходит ближе и уже согревает глубоким дыханием макушку.

— Подними голову, — раздаётся сверху.

Фыркаю и молчу. Ещё чего. Я подписала кровный договор, но это не значит, что я стану подчиняться.

Поэтому вновь гляжу на грудь. И даже в сторону не посмотреть. Туша орка заполонила собой весь обзор!

— Подними, — уже грубее.

Ошнар не любит, когда ему отказывают, кожей чувствую.

— Гордая? — хмыкает Ошнар, его грязная зелёная рука быстро поднимается и... — Боишься? Правильно.

Избежать прикосновения не удаётся. На подбородок давят пальцы, вынуждают подчиниться и взглянуть на зубастое лицо. Два острых клыка достают едва ли не до носа.

— Нравится?

— Нет.

— Тогда будь послушной.

Вновь фыркаю и пытаюсь вырваться, но чудовище само управляет моей головой. Поворачивает в разные стороны, наклоняет, заставляет приоткрыть рот.

Я кусаю его за палец и вместо злости получаю презрительный смешок. На все попытки оторвать от лица чужую руку, орк глухо посмеивается.

В конце концов, он отпускает меня сам. Но не из своей комнаты.

Он всё ещё разглядывает меня. И от ощущения чужого

интереса на своём теле, кружится голова.

Я хочу скрыться. Мне противно, что меня оценивают, как ювелир неизвестную породу.

— Ноги длинные, — произносит он задумчиво, проводя грубой ладонью по моему бедру через тонкую ткань платья. Я вздрагиваю, как от удара. Прикосновение обжигает, и не только из-за грубости. Через нашу связь я чувствую любопытство. Этот холодный, отстраненный интерес. — Бегать смогут. Таскать воду тоже.

— Что?

Брови приподнимаются от эмоций.

А его рука движется выше, к талии. Пальцы сжимают мой бок, оценивая.

— Худющая. Ребра прощупываются. Но кость крепкая. Поживёшь ещё. Стой и не рыпайся, а то сломаю тебе что-нибудь. Случайно.

Я сжимаю зубы, пытаюсь забыться, уйти в себя, но наша связь усиливает каждое ощущение.

И самое ужасное я чувствую смутное, глухое тепло внизу своего живота. Моё тело реагирует на грубую силу, на животную доминантность. Меня от этого тошнит.

Я не хочу. Но хочет он.

— Долг... — выдыхаю я, пытаюсь отвлечь и его, и себя. — Выплачен? Мой народ... им уже лучше?

Ошнар издает короткий, похожий на лай смех. Его рука скользит к моей груди, сжимая её так, что становится больно.

Я ахаю, пытаюсь отшатнуться, но он держит меня легко, почти не прилагая усилий.

Терпеть... надо чуть-чуть протереть, узнать, что с королевством, а потом ударить врага по длинным зубам.

Если боги смилостивятся, то клыки поломаются, а я сбегу.
— Твой долг?— он наклоняется ко мне, его дыхание пахнет мясом и специями. — Твой долг только начинается, девочка. Ты заплатила за то, чтобы у них был шанс. Чтобы мор отступил. А выздоровеют ли они... это зависит от того, насколько хорошо ты будешь служить.

Его слова, как удар ножом. Значит, нет гарантии. Виктор мог соврать? Нет, лорд никогда не обманывает, никогда не ошибается. Раз он сказал, что я должна потерпеть с месяц, то я выстою. Чего бы мне это не стоило.

Орочья рука теперь лежит на моей груди, и я понимаю, что во мне зарождается возбуждение. Чужеродное, неестественное и безумно мощное. Оно пульсирует где-то глубоко в орке и отзывается мерзким эхом во мне.

И Ошнар удивлен этому? Он не ожидал, что тело человеческой девушки может вызвать у него что-то, кроме презрения? Это удивление я чувствую так же четко, как и его пальцы, сжимающие меня.

— Грудь маленькая, — бормочет он, как бы оправдываясь перед самим собой. — Но упругая. Человеческие самки... интересны.

Другая его рука опускается ниже, скользит по моему жи-

воту, прижимается ладонью к самому низу.

Я замираю, в глазах темнеет от смеси ужаса и позорного возбуждения. Он чувствует всю дрожь моего тела, каждое предательское биение сердца. А стучится о рёбра оно дико.

— Бедра узкие, — продолжает Ошнар свой осмотр, его голос становится хриплым. — Рожать будет больно. Если вообще выживешь.

Ах?

— Рожать? У меня нет мужа, — выдавливаю из себя сиплое возражение.

Но в ближайшее время мне следует озаботиться этим вопросом. Если отец... если с папой...

Мне нужно будет быстро выходить замуж, чтобы посадить на престол нового короля.

— Мужа? Хах, ха-ха-ха.

Что его так веселит?

Рука внизу живота надавливает куда-то между бёдер.

Ой. Меня дергает, как от удара, а таз сам уходит назад, пытаюсь избежать прикосновения.

— Думаешь, туда может трахать только муж?

Боги!

Орочьи пальцы каким-то образом ловят меня, возвращают бёдра на место и лезут глубже, задевая какие-то косточки.

Ошнар испытывает смешанные чувства: жар, удовлетворение и вновь удивление.

— Трахать, девочка, может, кто угодно. Я могу трахать,

Гром может трахать, даже варг может трахать, — голос Ош-нара становится тише, сам орк наклоняется к уху. Его клык задевает прядь моих волос. — Но тебя трахать могу только я. Я не муж, но ты моя.

Я тихо похрипываю от предвкушения неминуемого.

Орк вжимается грудью в мою грудь. Его пальцы уже, кажется, везде. Он... он собирается «трахать» меня?

— Не надо...

— Почему?

— Я не хочу...

По виску стекает капля пота.

Что я могу сделать с орком? Как его оттолкнуть, если я слабее?

И он ведь знает, что я испытываю страх и лютое отвращение! Почему же только сильнее жмётся и надавливает?

— А если я хочу попробовать свою собственность?

Он смотрит на меня, и в его взгляде читается борьба. Между желанием «попробовать свою собственность» прямо здесь и сейчас, и каким-то другим, непонятным чувством безразличия к моей человечности.

Наконец, он с силой отталкивает меня от себя. Я едва удерживаюсь на ногах, быстро дыша.

— Хватит. Ты пока не стоишь того, чтобы тратить на тебя силы и время. От тебя одна кость да кожа.

Ошнат поворачивается спиной, притворно занимаясь своими делами на столе, как будто только что осмотрел новый

меч, а не живого человека.

— Иди прочь. Живешь в конуре, где жил мой варг. Будешь есть то, что останется от моего стола. Больше ты не заслужила. Гром, идиот, поди сюды!

В комнате раздаётся тяжелая поступь железных сапог.

Меня хватает за руку орк-страж и выволакивает из пещеры.

Конура это не метафора. Это настоящая будка из шкур и костей, в которую я могу влезть только согнувшись. Она пахнет зверем и плесенью.

Я лежу на чьей-то дырявой шкуре, прижав колени к груди, и кусаю обветренные губы.

Рядом лежит миска с какими-то объедками: разваренные коренья, куски жилистого, холодного мяса сомнительного происхождения.

Это то, что не доел он. Его помои. От них разит мясом и специями.

Так начинаются мои дни. Я сплю в этой вонючей конуре, свернувшись калачиком от холода. Я ем эту похлебку, заставляя себя глотать, чтобы не умереть с голоду.

Ещё и орки постоянно рядом. Они смотрят на меня, облизываются, перешептываются, караулят.

— Эх, вождь припас себе лакомый кусок. Человечка хороша лицом.

— Сколько ждать-то? Может, попросим, когда он наигра-

ется?

— Молчи, он шкуру спустит за такие мысли!

Но они боятся. Запрет вождя — закон для других. Я его вещь, меня трогать нельзя.

А он... он занимается своими делами. Я чувствую это через нашу связь. Смутные отголоски его мыслей: советы с шаманами, тренировки воинов, патрулирование границ. Иногда вспышки ярости, иногда редкие моменты удовлетворения после удачной охоты или крепкого мёда. Он живет своей жизнью могущественного вождя. А я всего ненужная вещь, назойливая мушка, которую он пока не прихлопнул.

И я страдаю. От голода, холода, унижения. От постоянно-го чувства его присутствия в своем разуме. От осознания, что моё жертвоприношение, возможно, было напрасным. И самое страшное, от позорных вспышек тепла внизу живота, когда я случайно вижу вождя или чувствую через связь всплеск его недюжинной силы.

Я ненавижу его. Я ненавижу себя. И я молюсь, чтобы эта связь разорвалась, зная, что это будет означать смерть для моего народа.

И смерть для меня.

— Не трогай меня! Я не хочу никуда выходить!

— А тебя не спрашивают, чего ты хочешь. Сказали, значит, вылезай!

Меня вытаскивают из конуры так резко, что я чуть не сворачиваю себе шею.

— Вождь зовет. Быстро, человечка, — сквозь щель в зубах, рычит один из стражников, таща меня через лагерь.

Сердце уходит в пятки. Прошло семь ночей с момента ритуала.

Неделя голода, холода и унижений. Еды, конечно, было достаточно, но настолько ядовито жирной, что у меня сводило желудок от одного лишь аромата из миски. Приходилось выкидывать в овраг около лагеря под недовольные высказывания орков-стражников.

Ошнар не обращал на меня никакого внимания, кроме тех редких случаев, когда мимоходом бросал в мою сторону взгляд, полный холода. Я уже начала надеяться, что моё тело слишком неприятно для плотских орочьих утех. Видимо, надеялась зря.

Его пещера встречает меня тем же полумраком и сперным запахом силы. Он стоит посреди зала, расставив ноги и заливая водой из кувшина голову и могучие плечи. Капли стека-

ют по белевшим шрамам на зелёных мышцах, поблескивая в свете огня.

На вожде нет доспеха или мантии, лишь простые штаны из грубой коричневой кожи.

Он напоминает дикое животное, которое нельзя заставить врасплох даже на водопое.

Меня оставляют у двери и захлопывают её, едва не прищемив пальцы.

Нравы... орочы нравы никогда не понять человеку!

Я переминаюсь с ноги на ногу, ощущая в груди чужое удовлетворение и предвкушение приятного.

Не знаю, что он задумал, но участвовать в этом не собираюсь!

Ошнар вытирает лицо и медленно поворачивается ко мне. Оценивающий взгляд скользит вдоль тела, заставляя почувствовать себя абсолютно голой.

Я неуверенно поправляю края ужасной, огромной орочьей рубахи, которую мне, скрипя клыками, выделили для носки.

— Подойди,— его тон не предвещает ничего хорошего.

Под поясом рубахи у меня припрятана ложка. Думала, что смогу украсть у нерасторопных орков оружие, но они умеют его охранять. А острые кости, валяющиеся везде — я трогать не желаю.

Делаю несколько неуверенных шагов вперед, сжимая руки в кулаки.

— Я думал, — обходит меня. — Что ты слишком тощая и дохлая, чтобы тратить на тебя время. Что ты не стоишь даже того, чтобы на тебя смотреть. Человек.

Произнеся последнее слово с презрением, Ошнар отстраняется позади меня. Я чувствую его тепло спиной.

— Но долг есть долг. И я решил, что пора воспользоваться своей собственностью. Посмотреть, на что способна человеческая самка.

Я замираю. Нет. Только не это. Любое унижение, любая работа, но только не это. Я пытаюсь сделать шаг вперед, но тяжелая, как камень рука сжимается на моем плече, удерживая на месте.

— Не двигайся, — его дыхание обожгло мою шею. — Я не люблю, когда мои вещи дергаются.

— Почему тогда согласился на ритуал? — я не раз думала об этом. — Если была противна?

Я обязана отвлечь его. А не то никогда себе не прощу этого унижения.

— И сейчас противна. Я же человек, у меня бледная кожа, нет мышц!

Вторая рука скользит к груди и цепляется за ткань. Раздается резкий звук рвущейся материи, и холодный воздух пещеры тут же обжигает мою обнаженную спину, грудь, плечи.

Я одновременно пытаюсь прикрыться локтями и поймать ложку, но проказница выскальзывает из пальцев и валится на пол. Ударяется и звучно отскакивает к очагу.

— Это даже интереснее, — раздаётся сверху.

Выбраться шансов нет, уж слишком крепко вождь держит. Я в западне без оружия. Только и могу, что пинать да бить полуголового орка локтями.

— Стой смирно, — рычит он прямо в ухо, и в голосе слышатся нотки возбуждения.

Вместе с тем, она выливается через нашу связь волной — густое, животное, лишённое всякой нежности. Лишь голый инстинкт обладания.

— Не трогай меня! Отстань!

Шершавые ладони скользят по моим обнаженным плечам, вниз, к груди. Ошнар сжимает её, не стараясь быть нежным, будто оценивая вес и форму. Я зажмуриваю глаза, стискиваю зубы, пытаюсь придумать решение, но наша проклятая связь предательски усиливала каждое ощущение. Боль от его грубости смешивалась с постыдными всплесками чего-то похожего на удовольствие, исходящего от него. Ему нравится эта власть. Нравится, что я слабая и беззащитная. И нравится, что я до сих пор не склоняю голову, да не раздвигаю ноги.

— Такая маленькая... и вся дрожишь, — тише хрипит Ошнар, проводя клыком по шее, заставляя меня содрогнуться. — Как мышка.

Он нюхает мою шею, глубоко втягивая запах своим здоровенным носом. У орков всё здоровенное, даже...

Надеюсь, я это не узнаю!

Его рука поползёт вниз по моему животу, к тому месту,

о котором я боюсь даже думать. Слезы слабости и отчаяния выступают у меня на глазах. Я не могу сдержать их.

— Пожалуйста... — вырывается шепотом.

— Пожалуйста что? — он усмехается, его пальцы уже впи-
ваются в кожу моих бедер. — Пожалуйста, хозяин? Или по-
жалуйста, нет? Ты здесь не для того, чтобы решать судьбу,
девочку.

Он резко разворачивает меня к себе, и его огромная рука
лежится мне между ног.

Я шиплю от унижения и шока.

Его возбуждение через связь бьёт топором по голове, по-
чти одурманивая. И даже сквозь него я вновь чувствую то же
необычное удивление, пусть ему и нравится как я реагирую
на прикосновения к нежной коже внизу.

— Не смей трогать меня! — из последних сил я дёргаюсь,
уводя таз от пальцев, но длинные руки орка дотягиваются и
возвращают меня обратно. — Нет! Иди к своим сородичам!

Орчих в лагере мало, поэтому зелёные твари часто загля-
дывались на меня. Но всё же вождю бы никогда не посмел
отказать!

— Хочу трахать тебя, девочка.

Ошнар притягивает меня к себе, позволяя почувствовать,
как что-то гигантское даже через ткань его штанов упирается
в мой живот.

Неужели... нет!

Ужас сковывает, голова наливается кровью. Сейчас он

вставит в меня это? Сейчас случится то, чего я боялась больше всего?

Пальцы уже всю трогая, изучают, раздвигают и надавливают. Кажется, я успеваю лишь злобно пискнуть, как внутри со склизким звуком погружается один палец.

Внутри начинает жечь от незнакомых собственных ощущений, а голова раскалывается от чужих эмоций. Если Ошнар меня сейчас не завалит на пол — он умрёт. Вот такие мысли у него сейчас крутятся в голове, не иначе.

— Ложись, — хрипит он, уже направляя меня к грудке шкур в углу комнаты. — Пора.

Его мышцы на руках сократились в предвкушении, и палец влез чуть глубже, лишая меня невинности, гордости и рассудка.

— Нет... — слеза всё же выкатывается из глаза, падая на длинный мех.

— Сейчас ты узнаешь, как быть под самцом, девочка, — Ошнар укладывает меня на шкуры, заставляя упереться в них коленями и локтями.

Голову я тоже опускаю в мех, желая ничего не видеть.

Пальцы хватаются за волосы, пытаюсь отвлечь от боли, но я всё равно прекрасно чувствую, как пустота от вынутого пальца начинает заполняться орочьим органом.

— Придётся потерпеть, девочка, — мои бёдра стискивают до боли. — Очень узко. Очень.

Он входит совсем чуть-чуть, но уже еле сдерживается,

чтобы не вставить в меня член полностью.

За что?! За что мне это, боги?!

— Не надо... я не могу. Нет. Это неправильно. Нет. Ты...

Пока я пытаюсь сказать хоть что-то, снаружи раздаётся оглушительный рев рога.

Не орочий. Человеческий.

Это наш боевой клич! Лорд Виктор послал за мной!

За грохотом тут же слышатся ржание лошадей, лязг стали и яростные орочьи вопли.

Ошнар замирает, его голова резко поворачивается к выходу, но гримаса на лице не меняется. Такие же сжатые губы и зловеще торчащие клыки. Но я-то чувствую, что страсть меняется на гнев.

— Что?! — рычит он. — Привела?

В пещеру врывается молодой орк, измазанный в крови.

— Вождь! Люди! Напали на лагерь! Их много! У них странное оружие!

Ошнар отшвыривает меня от себя так, что я разбиваю локти в кровь.

А пока, шипя от боли, привстаю, вождь уже хватает свой топор и натягивает штаны. Коричневая кожа туго стягивает ненавистный зелёный орган.

— Поднять всех! К оружию! — его рев сотрясает стены.

Люди пришли вызволить меня? Напав на лагерь орков?

Натягиваю на себя лоскуты безвкусной рубахи, чтобы не выходить в народ голой.

Лорд Виктор же только сильнее разозлит орочьих шаманов, если убьёт хоть пару?

Да, я безумно благодарна ему, что он не позволил случиться-ся ужасному, но... какой тогда толк в моей жертве?

Что гадать? Я выползаю к выходу из пещеры, цепляясь

грязными ладонями за стены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.